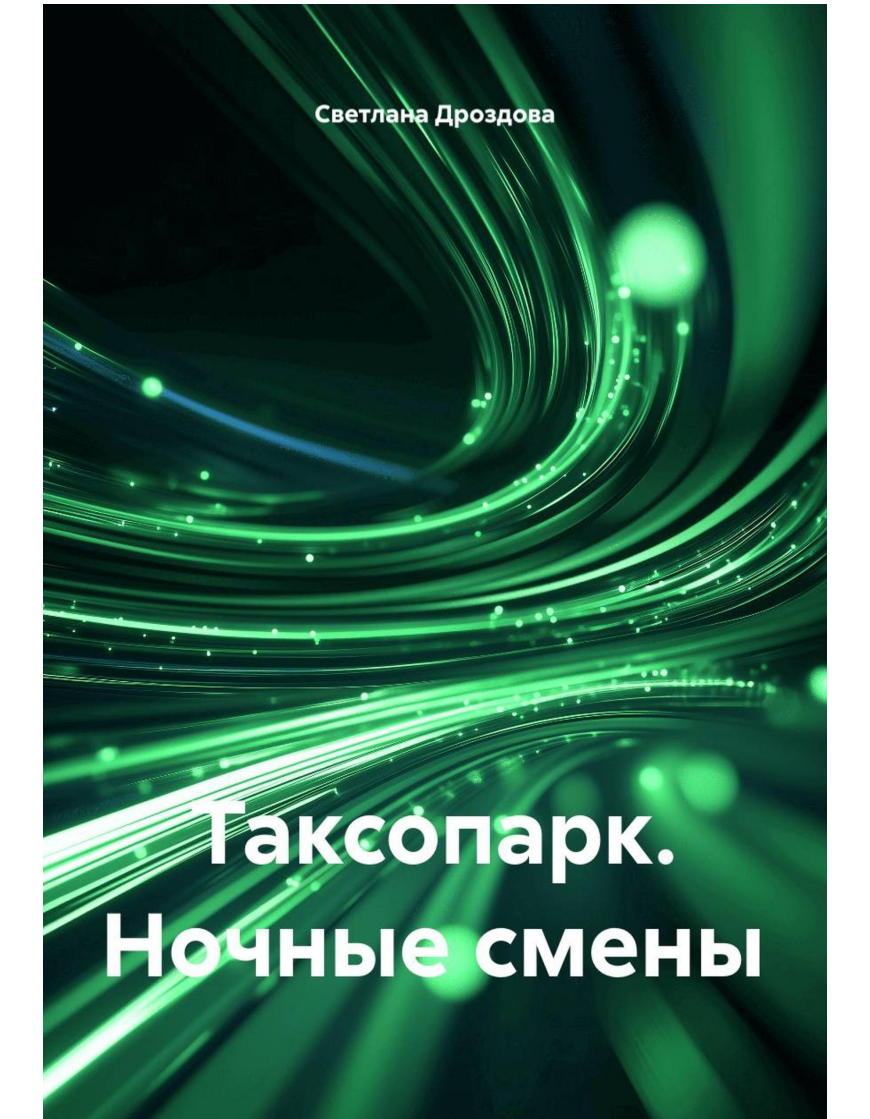

The background of the entire page is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement. They are interspersed with numerous small, bright green dots and larger, soft-focus bokeh lights, giving the impression of a high-speed digital or optical phenomenon. The overall color palette is a range of greens, from deep forest green to bright, almost white-green highlights.

Светлана Дроздова

Таксопарк. Ночные смены

Светлана Дроздова

Таксопарк. Ночные смены

<https://litres.ru/74514708>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марат Вергасов — бывший следователь прокуратуры, уволенный после скандального дела. Три года он водит ночное такси премиум-класса, прячась от прошлого в тишине и ритуалах смены. Но однажды в его машину садится пассажир, который исчезает без звука, оставив на сиденье полоску ткани с маркировкой «ГОСТ 77» и запах гари. За ним — женщина с советскими мандаринами. Потом — мальчик с костяной пуговицей. Каждый пассажир говорит о гостинице «Россия», о ночи 25 февраля 1977 года, об огне. Каждый — призрак, сгоревший в пожаре, который официальная версия списала на неисправный паяльник.

Постепенно из осколков чужих воспоминаний, из предметов-улик и архивных противоречий Марат собирает картину: пожар был не аварией, а операцией КГБ по уничтожению компрометирующих материалов. Расследование без мундира, без полномочий, без защиты ведёт его от ночных маршрутов к живым свидетелям, родственникам погибших и, наконец, к тем, кто молчал полвека.

Светлана Дроздова

Таксопарк. Ночные смены

Глава 1. Чёрный Mercedes последней модели

Стоянка «Премиум-Лайн» на Даниловской — бетонный бокс на восемь машин, яркий дневной свет ламп, контраст с темнотой снаружи. Пахнет резиной, бензином и чем-то сладковато-химическим от мойки.

Марат Вергасов пришёл на смену в двадцать-один тридцать. Ровно. Не в двадцать-один тридцать пять, не в двадцать-один двадцать пять. Ровно. Три года ночной работы выточили из него человека, для которого punctuality — не добродетель, а механизм. Как зубчатая передача: если ты на месте вовремя, всё крутится. Если опоздал — закусило.

Он переоделся в каморке — тёмная рубашка, чёрная жилетка без пиджака, туфли на тонкой подошве. Форма «Премиум-Лайн» не была формой в строгом смысле: частный извоз премиум-класса, клиенты платят за ощущение, что едут не в такси, а с личным водителем. Никаких шашечек, никаких логотипов на кузове. Чёрный Mercedes E-класса, про-

шлогодний, без единой наклейки. Если не знать — не отличишь от машины бизнесмена.

Марат вышел к машине. Обошёл по часовой стрелке — привычка, не ритуал: левое переднее крыло, капот, правое крыло, багажник, задний бампер. На левом крыле — старый след от чужого бампера, тусклая царапина в лаке. Не его. От прошлого водителя, который сдал машину полгода назад, уволился и уехал в Казань. Марат каждый раз видел царапину и каждый раз думал: надо закрасить. И каждый раз забывал.

Заводит. Звук ровный, без перебоев. Марат не механик — но три года за рулём научили различать здоровый и нездоровый звук машины, как врач различает дыхание. Дышит ровно.

Салон. Заднее сиденье — кожаное, тёмно-серое. Проверка: чисто. Под сиденьем — фантик от конфеты, «Коркунов». Марат достаёт, складывает, кладёт в карман. Не выбрасывает в салоне — тоже привычка. Бардачок: аптечка, влажные салфетки, запасной зарядник с тремя типами разъёмов — Type-C, Lightning, micro-USB. Клиенты бывают разные.

Термос — стальной, матовый, без надписей — стоит в подстаканнике между передними сиденьями. Кофе, креп-

кий, без сахара, без молока, сварен дома в шесть вечера. Единственная личная вещь в машине. Марат откручивает крышку, наливает в колпачок, глотает — обжигается, не дожидается остывания. Привычка.

Смартфон — в держателе на приборной панели. Приложение «Премиум-Лайн»: тёмный экран, минимальный интерфейс — карта и строка заказа. Никаких баннеров, рекламы, рейтингов, всплывающих окон. Приложение выглядит, как если бы его делали не для водителей, а для кого-то другого. Слишком простое. Слишком чистое. Марат отмечал это и раньше — в первый месяц работы, когда разбирался в сервисе. Тогда же полез в настройки, попытался найти версию, разработчика — ничего. Приложение стояло в телефоне, как заводское. Не из App Store, не из Google Play. Установлено работодателем — или появилось само. Марат не помнил. Это было три года назад, и ему было всё равно.

Охранник на входе — Ринат, пожилой татарин с усами, как у кота, — кивнул.

— Спокойной ночи, — сказал он. Не «доброй». Всегда «спокойной».

— Спокойной, — ответил Марат.

В боксах ещё два водителя — Серёга и Азамат, оба мо-
ложе Марата, оба разговорчивее. Серёга, широкий, рыже-
ватый, в спортивной куртке поверх формы, — рассказы-
вал Азамату про футбольный матч. Азамат слушал, смеялся,
хлопал себя по колену. Марат прошёл мимо. Кивнул — ко-
ротко. Не присоединился. Не из высокомерия — из неуме-
ния. Он слышал, о чём говорят, — гол, офсайд, пенальти, —
но не находил, куда вставить слово. Слушал — но не откли-
кался.

Азамат окликнул:

— Марат, ты за «Спартак»?

— Я за сон, — сказал Марат, не оборачиваясь.

Серёга засмеялся. Азамат крикнул вдогонку:

— Ты, Вергасов, как монах. Только без монастыря.

Марат не ответил. Усмехнулся — краем рта, не оборачи-
ваясь. Сел в машину. Закрыв дверь. Тишина.

Ночь не задаёт вопросов. День — задаёт. Днём люди смот-

рят на него — бывший следователь прокуратуры, уволенный после скандального дела, работающий таксистом. В их взгляде — смесь неловкости и любопытства, как на человека, который упал с лестницы при всех: не знаешь, куда смотреть и надо ли помочь. Ночью никто не спрашивает, кто ты был. Пассажиру нужен руль и тишина. Марат обеспечивает и то, и другое.

Он выехал со стоянки, повернул на Большую Тульскую, затем — на Садовое кольцо, на север.

Москва в конце октября — голая, тёмная, промёрзшая. Ещё не зима, но уже не осень. После дождя асфальт блестит, отражая фонари, светофоры, неоновые вывески. Деревья на Садовом — голые, мокрые, чёрные, как проволока. Редкие машины проносятся навстречу. Несколько пешеходов — куртки, капюшоны, спешат. Город ещё не заснул, но уже притих. Готовится. Марат ведёт в правом ряду — не торопится, не подрезает. Ровно.

Окно приоткрыто на два сантиметра — в любую погоду. «Воздух должен двигаться», — сказал он однажды, когда Азамат спросил, почему. Азамат пожал плечами: «Ты замёрзнешь зимой». «Нет», — сказал Марат. И не замерзал.

Проезжая мимо длинного бетонного здания на Садовом — то ли контора, то ли жилой дом, не разобрать в темноте — Марат на секунду ловит запах. Гарь. Мимолётный, как от проехавшего грузовика с неисправным выхлопом — едкий, сухой, с горьким оттенком, как от палёной резины или горелой бумаги. Но грузовика нет. Встречных — никого. Запах исчезает, как будто его и не было. Марат не фиксирует сознательно, но — отмечает, по привычке следователя: «Гарь. Откуда? Нет источника. Ветер с юга». И забывает.

На экране приложения — пустая карта. Зелёная полоса внизу: «Вы на смене». Город. Тишина. Гул мотора. Шины по мокрому асфальту. Редкий ветер в щель приоткрытого окна. Марат не слушает радио. Три года — и три года без радио. Сначала отвык, потом — не захотел возвращаться. Голоса из динамика казались навязчивыми, как гости, которые пришли без звонка. Тишина — лучше. Тишина — честнее. Она не врёт.

Рация на приборной панели — старая Motorola, не встроенная, отдельная. Марат купил сам на Авито за две тысячи, настроил на канал «Премиум-Лайн». Частота не та, что у обычных такси — другая, ниже, чище. Меньше помех. Меньше

ше чужих голосов.

— Вергасов, ты на смене?

Голос Лены — тёплый, низкий, с хрипотцой, как будто она выкурила пачку перед сменой. Но не курит — Марат спрашивал однажды, между делом. «Не курю, — сказала Лена. — Просто голос такой. Родовой». Он не стал уточнять, что значит «родовой». Лена говорит вещи, которые звучат странно, но Марат привык. Она работает из дома — где-то в Бутово, но адреса не даёт. Он никогда её не видел — только голос. Три года голоса. За три года голос стал ближе, чем лица некоторых людей — тех, кого он видит каждый день и не слышит.

— На смене, — ответил Марат.

— Ночь будет длинная, — сказала Лена. И, после паузы: — Луна — последняя четверть. Всегда в такие ночи больше заказов.

— Ты веришь в лунные календари?

— Я верю в людей. Луна тут ни при чём.

Марат ждал, но Лена больше ничего не добавила. Иногда она говорила вещи, которые звучали как начало фразы, но

концовка не шла. Как будто думала одно, а произносила другое. Или — произносила то, что нужно было произнести, а думала о чём-то своём, параллельном.

После разговора Марат на секунду увидел в зеркале заднего вида, что заднее сиденье будто темнее, чем должно быть. Как будто тень легла неровно, скособочившись — на левую половину сиденья больше, на правую меньше. Он оборачивается — пусто. Свет уличного фонаря через окно, ровная серая кожа. Ничего.

«Фонарь, — подумал он. — Проехал мимо фонаря. Тень скользнула». Объяснение устроило. Он повернулся обратно к дороге.

Марат стоит у Тверской, 2 — припарковавшись за углом на Газетном переулке. Ждёт заказа. Двадцать-two двадцать.

Тишина между движением и действием. Марат пьёт кофе из термоса — маленькими глотками, обжигаясь. Думает — не о чём конкретном. О погоде: к зиме нужно сменить резину. О бывшей жене — мельком, без боли, привычной тупой занозой, как старая мозоль, к которой привыкаешь так, что перестаёшь замечать, пока не надавишь. Жена, Ирина, ушла

три года назад, когда его уволили. Не из-за увольнения — из-за того, что он замолчал. «Ты перестал говорить, Марат. С тобой нельзя жить». Он не ответил. Это был последний разговор — не в тот вечер, а вообще. Последние слова, которые она ему сказала. Последние, которые он не сказал в ответ. Молчание — его способ отвечать, когда ответа нет. Ирина не приняла. Правильно — не приняла. Он не обижается.

Приложение мигает.

Заказ: ул. Тверская, 2. Адрес подачи — прямо здесь, за углом. Марат смотрит на экран и чуть хмурится. Он не выбирал эту точку. Не вставлял адрес. Приложение само привязало его к месту — как будто знало, где он будет стоять.

Точка доставки — не указана. Вместо адреса — прочерк.

В строке «Пассажир» — пусто.

В строке «Комментарий» — одно слово: «Прогулка».

Марат берёт рацию.

— Лена, заказ без адреса назначения. Что делать?

Пауза. Длиннее, чем обычно. Марат слышит лёгкий треск

в рации, как будто Лена дышит — или не дышит.

— Бывает. Клиент скажет в салоне. Езжай на точку подачи.

— Имени нет. Рейтинг не указан. Это не формат.

— Вергасов, ты не первый год. Бывают странные заказы. Просто поезжай.

Ещё одна пауза. И тише:

— Марат, если что-то покажется неправильным — не анализируй. Просто веди.

Марат не придаёт значения. «Не анализируй» — это как сказать рыбе «не плавай». Он анализирует с детства — с тех пор, как отец подарил ему на десятый день рождения лупу и сказал: «Смотри, пока не увидишь то, чего нет». Марат смотрел. Всегда видел. Это и было проблемой — в прокуратуре и после.

Включает передачу, выезжает из переулкa, останавливается у Тверской, 2.

Старое сталинское здание, подъезд с колоннами, тусклый свет над дверью. Октябрьский ветер — холодный, с влагой, с запахом мокрого камня и бетона — треплет газету у входа. Газета прижалась к ступеням, раскрытая, страница с рекламой — духи, шубы, квартиры. Ветер перелистывает, как читатель, которому скучно. На ступенях — никого.

Марат ждёт. Двадцать-two тридцать пять. Гудит мотор на холостых. Фары освещают фасад — серый, строгий, с лепниной над входом. Окна — тёмные, редкие тлеют желтым. Кто-то не спит. Кто-то спит. Кто-то не может.

Дверца заднего сиденья открывается.

Без стука. Без приветствия. Пассажир садится — мягко, без рывка, до щелчка закрывает дверь. Садится так, будто сажился в эту машину сотни раз. Знает, куда убрать ногу, как положить руку на подлокотник, как закрыть дверь — мягко, но до конца, без второго усилия. Человек, который привык к автомобилям этого класса.

Марат смотрит в зеркало.

Мужчина лет шестидесяти. Может, чуть больше — определить сложно. Лицо — квадратное, плотное, со складками

у рта, с глубокими бороздами от носа к подбородку. Лицо человека, который привык держать себя в руках — и держит, но усилие видно: желваки, напряжённая шея, чуть прищуренные глаза. Волосы седые, зачёсаны назад, аккуратно — не лаком, а привычкой. Руки — крупные, спокойные, лежат на коленях. На мизинце левой — кольцо с тёмным камнем, не золотое, скорее серебряное, потемневшее от времени.

Костюм: тёмно-синий, хорошо скроенный — плечи сидят, рукав правильной длины, лацканы отутюжены. Но не новый. Не устаревший — а именно не новый: ткань слегка протёрта на локтях, шов у воротника чуть блее остального — бывал в химчистке. Рубашка — белая, но не свежая, как будто её надели утром и носили весь день. Галстук — тёмно-бордовый, узлом «виндзор». Марат узнаёт узел. Его отец завязывал так же — каждый день, каждое утро, перед зеркалом в прихожей, привычным движением, не глядя. Марат было десять, когда научился различать узлы. «Виндзор» — широкий, симметричный, как треугольник. Узел людей, которые любят порядок.

Запах. Не парфюм — Марат различает парфюм, у всех клиентов свой, от Creed до «Диора». Не табак. Сухой, тёплый запах, как от старого шкафа — не затхлый, а вылежавшийся. Как от книги, которую долго не открывали. Запах времени. Так пахнут бабушкины квартиры, чердаки, архивы.

— Добрый вечер, — говорит Марат, профессионально. — Куда едем?

Пассажир молчит. Смотрит в окно — на фасад, на колонны, на мокрую газету. Потом, не оборачиваясь:

— Просто по городу. Я скажу, когда остановиться.

Голос — негромкий, ровный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который долго не разговаривал. Не старческий — скорее, голос человека, который умеет молчать и отвык от звуков собственного голоса.

Марат включает счётчик. Пассажир не смотрит. Машина трогается.

Тверская вниз, мимо телеграфа, мимо Елисеевского — тёмного, с подсвеченными витринами, как аквариум. Поворот на Моховую — мимо университета, мимо Манежа. Кремлёвская стена — красная, мокрая, подсвеченная прожекторами. Боровицкая площадь — пустая, гулкая, как сцена без актёров. На набережную — вдоль Москвы-реки, вода чёрная, неподвижная, отражает огни как зеркало, к которо-

му боишься подойти.

Марат едет медленно. Пассажир не торопит. Скорость не имеет значения — это понятно с первого квартала. Машина движется не для того, чтобы приехать, а для того, чтобы двигаться.

Пять минут тишины. Пассажир смотрит в окно — не на достопримечательности, а на обыденное: фонари, припаркованные машины, светящиеся окна. Смотрит как человек, который смотрит на то, что ему знакомо, но — издалека. Как будто между ним и городом — стекло.

Потом начинает. Не с обращения, не с вопроса. Как будто продолжает разговор, начатый давно — с кем-то другим, в другом месте, в другое время.

— Я всю жизнь работал с людьми. Тридцать два года. Администратором. Не в офисе — в гостинице. Знаете, что это значит?

Марат не отвечает. Слушает. Одна из его профессиональных способностей — молча слушать. Как следователь — и как водитель. Клиент говорит — ты водишь. Клиент молчит — ты водишь. Тишина — не пустота, а контейнер, в который человек кладёт то, что не может положить на стол.

— Это значит, что каждый день — чужие чемоданы, чужие ключи, чужие просьбы. И каждый вечер — чужие сны. Ты спишь, а они видят сны прямо через стену. Ты слышишь, как они дышат. Ты знаешь, кто не спит, кто тревожится, кто радуется. По звуку. По шагам в коридоре. По тому, как закрывается дверь — хлопком или щелчком.

Марат ведёт машину. Ровно. Мимо парка Горького — тёмного, огромного, с редкими фонарями вдоль набережной. Вода блестит. Где-то на другом берегу — огни новостроек, жёлтые, тусклые, как окна больницы.

— Самая большая гостиница в Европе, — говорит пассажир. — Тысяча номеров. Тысяча историй каждый день. Я помню всех — не имена, а лица. Лицо человека, который открывает дверь номера, — это лицо его жизни на три дня. Потом он уходит, и лицо остаётся у тебя в голове. Навсегда — или до следующего гостя. А следующий — тоже навсегда. Ты складываешь их, как фотографии в альбом. Без подписей.

Марат слушает. И — машинально, из привычки следователя уточнять хронологию — спрашивает:

— В каком году вы работали?

Пассажир отвечает не сразу. Секунды три — как будто вспоминает. Или выбирает, что сказать.

— Давно. Ещё при советской власти. Вы, наверное, не помните.

— Я помню советскую власть. Я не настолько молод.

Пассажир усмехается. Усмешка — короткая, сухая, как треск ветки.

— Нет. Вы молоды. Вы просто не знаете, что молоды.

Марат не понимает — и не пытается понять. Он слышит странность, но странность — не аномалия. Странность — норма ночных пассажиров. Люди, которые садятся в такси после полуночи, — все немного страннее, чем днём. Ночь снимает фильтры.

Пауза. Машина проезжает мимо Белого дома — здания на Краснопресненской, светящегося редко, правительственными окнами. Пассажир смотрит — и отворачивается. Долго молчит.

Потом — тихо, как будто говорит себе:

— Была одна ночь. Февраль. Мороз, градусов двадцать. И огонь — как будто кто-то забыл, что на улице зима, и принёс июль внутрь.

Пауза. Пассажир смотрит в окно. Машина едет по набережной, мимо моста, мимо домов с тёмными окнами. Город — тихий, мокрый, холодный.

— Двадцать пятого, — добавляет пассажир.

Марат не реагирует. Дата проходит мимо — для него это просто дата. Двадцать пятое февраля. Ничего. Он не знает ещё, что она значит. Он не знает, что через две недели — годовщина. Что дата уже бежит к нему, как поезд, который он не видит, но слышит — гулом в рельсах.

Пассажир замолкает. Больше ничего не говорит до конца поездки.

По мере движения Марат замечает: в салоне стало теплее. Не от печки — печка работает на минимуме, Марат держит всегда на двойке. Тепло идёт сзади, от сиденья. Как будто у пассажира жар — ровное, сухое тепло, как от батареи или от человека с температурой.

Марат бросает взгляд в зеркало. Лицо пассажира спокой-
но, глаза полуприкрыты, щёки — слегка порозовели. Или
это уличный свет? Отражение неоновых знака, фонаря, вит-
рины? Марат не уверен. Он видит — и не доверяет тому, что
видит. Бывший следователь знает: свидетель — самый нена-
дёжный источник, даже если свидетель — ты сам.

Машина едет. Тишина. Тепло.

Набережная Тараса Шевченко. Пассажир говорит:

— Здесь.

Одно слово. Марат останавливается. У воды — чёрной,
плоской, с редкими бликами. Ветер — холодный, с речным
запахом, мокрый. На набережной — пусто. Фонари — туск-
лые, жёлтые, редкие. На другом берегу — тёмные корпуса,
склады, краны. Промышленная зона, спящая.

Марат смотрит на счётчик.

Ноль.

Не «0 рублей». Не «0 км». Просто — ноль. Как будто счётика нет. Как будто поездки не было. Экран приложения — тёмный, со строкой: «Поездка завершена. Оплата: —». Прочерк.

Марат оборачивается, чтобы спросить о плате.

Заднее сиденье — пусто.

Дверца — закрыта. Марат не слышал, как пассажир вышел. Не слышал щелчка двери, не слышал шагов, не слышал — ничего. Пять секунд назад — сидел. Дышал. Тепло шло от него. Сейчас — пусто. Серая кожа, ровный свет фонаря, ничего.

Марат выходит. Обходит машину. Открывает заднюю дверь — рукой, резко, как открывают, когда ждут, что внутри — что-то. Пусто. Сиденье — прохладное. Не тёплое — прохладное, как будто никто не сидел. Марат прикладывает ладонь к коже — холодная. Как в машине, которая простояла на морозе. Но машина не стояла — они ехали. И в салоне было тепло.

Он выключает салонный свет, чтобы посмотреть внимательнее. В тусклом свете фонаря — на сиденье, в складке между спинкой и подушкой, — узкая полоска ткани. Тём-

но-синяя, с еле заметным рисунком — тонкая клетка, как на подкладке пиджака. Край — неровный, как будто оторвался. Не отрезан — оторван, но аккуратно, без бахромы.

Марат берёт её. Растирает между пальцами. Ткань сухая — но пахнет. Гарью. Той самой — с Садового кольца. Едкой, сухой, горькой, с привкусом палёной резины. Марат подносит к носу — и отдёргивает. Запах сильный, как будто ткань лежала в дыму. Не просто пропахла — а была в дыму, в гуще, в чёрном облаке.

Марат стоит у машины, на набережной, в октябрьской ночи, с полоской ткани в пальцах. Ветер с реки — холодный, мокрый. Город — тихий. Где-то далеко — гудок тепловоза, как зверь, подавший голос издалека. Марат стоит и чувствует — впервые за три года ночной работы — что что-то не так.

Не «странно». Не «непонятно». Не так. Как следовательно — на месте, где факт не укладывается в показания. Показания: пассажир сел, ехал, вышел. Факт: пассажир исчез бесшумно, оплата нулевая, сиденье холодное, ткань пахнет гарью. Факт не укладывается. Марат стоит, и в голове — привычный, неотвратимый механизм: сравнение, сопоставление, поиск версии. Механизм, который он пытался заглушить три года — ночами, кофе, тишины. Механизм, который не заглушается, потому что он — это Марат.

Он садится в машину. Кладёт полоску ткани в бардачок — к аптечке, салфеткам, заряднику. Закрывает. Думает — и не думает. Решает не думать. Включает приложение.

Новый заказ — обычный. «Кутузовский, 14, рейс в Шереметьево». Марат едет. Пассажир — мужчина лет тридцати, с чемоданом, в куртке, с ноутбуком. Разговаривает по телефону всю дорогу — что-то про контракты, поставки, сроки. Голос — громкий, раздражённый, живой. Марат везёт — и работает до утра, как обычно.

Запах. В салоне — тонкий, едва уловимый — гарь. Не выхлоп, не кофе, не пластик. Гарь, как от старого костра, который потушили несколько часов назад. Марат открывает окна — проветривает. Запах слабеет — но не уходит. Не уходит до конца смены.

На заправке, в четыре утра — Марат достаёт полоску из бардачка. Разглядывает при свете фонаря на колонке. Ткань — не новая, но и не старая. Без следов носки, без потёртостей, без катышков — как будто её вынули из упаковки. Но пахнет — временем и гарью одновременно. Марат переворачивает. На обратной стороне — крошечная, полустёртая

метка, напечатанная типографским способом: «ГОСТ 77». Ткань, произведённая по советскому стандарту. 1977 год.

Марат не знает, что значит 1977. Пока — не знает. Он знает только, что ткань из бардачка — не из этого времени. И что запах гари в салоне — не от его машины. И что пассажир, который исчез без звука, — не обычный клиент.

Он кладёт полоску обратно. Закрывает бардачок. Смотрит на часы: 04:50. До конца смены — десять минут. Решает: не думать об этом до утра. Утром — свежим взглядом.

Марат едет к стоянке. Садовое кольцо — пустое, мокрое, предраассветное. Небо — серое, низкое, с проблеском — не солнца ещё, а обещания солнца. Город — полупрозрачный, как негатив: тёмное, что было светлым, светлеет, что было тёмным — темнеет. Фонари гаснут — не все, но некоторые. Ночь уходит.

В зеркале заднего вида — на секунду, краем глаза, между морганием — Марату кажется, что на заднем сиденье кто-то сидит. Силуэт — тёмный, плотный, с прямой спиной. Не движение — статика. Человек, который сидит и ждёт.

Марат оборачивается.

Пусто. Только свет раннего фонаря ложится на кожу неровно, как будто тень легла и не успела убраться. Марат смотрит — секунду, две. Пусто. Никого. Ткань, запах, тепло — всё в голове. Недосып. Кофе. Ночь.

Он паркует машину. Гасит фары. Выходит. Закрывает дверь — мягко, до щелчка. Идёт домой. Не оглядывается.

Квартира на Автозаводской — съёмная, однокомнатная, с низким потолком и окном на трамвайные пути. Марат заходит, снимает обувь у двери, проходит в ванную. Умывается — холодной водой, долго, как будто смывает не ночь, а что-то другое. Лицо — в зеркале: осунувшееся, тёмные круги, седая щетина (он бреется утром, перед сном), морщина на переносице — глубокая, как линия, проведённая ногтем.

И — на правой щеке — лёгкий розовый след. Полукруглый, с неровным краем. Как от жара. Как будто кто-то прижал тёплую ладонь — не сильно, не больно, но достаточно, чтобы кожа отозвалась розовым.

Марат трёт лицо водой. Открывает холодный кран — под-

ставляет лицо. Секунды три. Закрывает. Смотрит.

След исчез. Кожа — ровная, чистая, бледная, как всегда.

Марат смотрит в зеркало — ещё секунду. Потом — выключает свет.

В темноте — тишина. Город за окном просыпается: трамвай, гудок, голос. День — задаёт вопросы. Марат не отвечает. Он ложится, закрывает глаза и — не спит. Не спит долго. И в темноте, за закрытыми веками, — запах. Гарь. Сухая, горькая, тёплая. Как от костра, который потушили пятьдесят лет назад — и который всё ещё тлеет.

Где-то на краю сна — голос. Тихий, ровный, с хрипотцой, как у человека, который долго не разговаривал:

«Двадцать пятого».

Марат засыпает. И снится ему огонь.

Глава 2. Не те деньги

Марат проснулся в три часа дня. Не по будильнику — бу-

дильника не было, он снял его год назад, когда понял, что тело само знает, когда вставать. Тело знало: после ночной смены — семь часов сна, не больше и не меньше. Семь часов — ровно столько, чтобы не сойти с ума от недосыпа и не разлиться от избытка. Марат открыл глаза — и первая мысль была не о пассажире. Первая мысль была о кофе: остался ли в термосе. Остался — треть, холодный, горький, с плёнкой на поверхности. Марат выпил стоя, на кухне, не разогревая. Холодный кофе — единственное, что он пил горячим и холодным одинаково ровно, без предпочтения. Температура — не суть. Суть — горечь.

Потом — вторая мысль. О пассажире.

Марат поставил кружку. Стоял, смотрел на стену — обои, жёлтые, с узором, который был когда-то цветочным, а стал просто грязным. Квартира на Автозаводской — съёмная, однокомнатная, с низким потолком и окном на трамвайные пути. Хозяин — пожилой армянин по имени Ашот, который снимал её Марату за полцены, «потому что ты тихий, Вергасов, и не портишь мебель». Мебели было — диван, стол, стул, шкаф. Всё — одинаково старое, одинаковое коричневое, как будто выросло из одного дерева и состарилось вместе.

Марат подошёл к бардачку. Нет — не к бардачку. Барда-

чок в машине. Здесь, дома, был ящик стола. Марат вынул полоску ткани из кармана жилетки — он переложил её утром, перед тем как лечь, машинально, как переключают ключи. Ткань лежала в кармане всю ночь, мягкая, сухая, лёгкая — почти невесомая. Марат положил её на стол, разровнял ладонью.

Тёмно-синяя. Тонкая клетка. Край неровный — оторван, не отрезан. Метка на обороте: «ГОСТ 77». Марат достал лупу — не ту, детскую, отцовскую, а обычную, из хозяйственного магазина, купленную три года назад, когда разбирал документы после увольнения. Лупа лежала в ящике, рядом с паспортом и трудовой книжкой. Марат не выбросил её — не выбрасывал ничего, что могло пригодиться для «смотри, пока не увидишь то, чего нет». Хотя за три года ничего не смотрел.

Под лупой метка читалась яснее: «ГОСТ 77-2580-71». Ткань — подкладочная, шерстяная, с примесью вискозы. Марат знал это не как текстильщик — а как следователь, который однажды разбирал дело о хищении с фабрики и три месяца жил в мире тканей, ниток и ГОСТов. Подкладочная ткань. Из пиджака. Синего, хорошо скроенного, с галстуком «виндзор».

Запах. Марат поднёс ткань к лицу — и запах ударил, как

из открытой печи. Гарь. Сухая, горькая, густая — не мимо-
лётная, как в салоне, а концентрированная, как будто полос-
ка ткани была фильтром, через который пропустили дым. Марат чихнул — резко, некрасиво, как от перца. Отодви-
нул ткань. Понюхал ещё раз — уже осторожно, краем нозд-
ри. Под гарью — второй слой: старая ткань, нафталин, пыль,
время. И под временем — что-то третье. Не запах — ощу-
щение. Тепло. Ткань была тёплой. Не от солнца, не от кар-
мана — изнутри. Как будто хранила тепло того, кто её носил.

Марат положил ткань на стол. Сел. Смотрел.

Как следователь — а он был следователь, каким бы ни
стал потом — Марат знал: есть факты и есть интерпрета-
ции. Факт: пассажир сел в машину. Факт: пассажир гово-
рил. Факт: пассажир исчез. Факт: осталась ткань. Факт: ткань
произведена по ГОСТу 1971 года, маркировка 77 — вероят-
нее всего, год выпуска. Факт: ткань пахнет гарью. Интерпре-
тация: ??? Марат не находил интерпретации, которая укла-
дывалась бы в реальность. Человек не исчезает из закрытой
машины без звука. Ткань из 1977 года не оказывается в бар-
дачке таксиста в 2026-м. Запах гари не держится в салоне
часами без источника.

Марат откинулся на стуле. Потёр лицо — правую щёку,
там, где был розовый след. Следа нет. Кожа чистая. Но —

память о тепле. Лёгкое, как прикосновение, как будто кто-то провёл пальцем по щеке и ушёл. Марат помнил — и не хотел помнить.

Он встал. Убрал ткань в ящик стола — под лупу, под трудовую. Закрыл. Пошёл в ванную — бриться. Зеркало — то самое, утреннее. Марат смотрел: лицо, щетина, морщина на переносице. Ничего. Никаких следов. Он намылил щёки, провёл бритвой — «Жиллет», старой, с одним лезвием, не «Мах 3», не «Фьюжн». Простая бритва — как простой кофе, как простая жизнь. Лезвие скользит — и Марат на секунду видит в зеркале, за собственным отражением, — не лицо. Контур. Силуэт — плечи, голова, прямая спина. Человек, стоящий за спиной. Марат оборачивается — пусто. Ванная — два метра на полтора, ванна, раковина, стиральная машина. Негде спрятаться. Марат смотрит в зеркало — отражение одно. Его. Только его. Бреется дальше.

К вечеру — шесть тридцать — Марат сидел на диване, в тренировочных штанах и майке, с ноутбуком на коленях. Ноутбук — старый, «Леново», с треснутой крышкой и кулером, который гудел, как муха в банке. Марат не покупал новый — не из экономии, а из привычки. Вещь работает — зачем менять. Так же с машиной, так же с бритвой, так же

с жизнью.

Он открыл браузер. Набрал: «гостиница Россия пожар». Первая ссылка — Википедия. Марат прочитал — быстро, по-диагонали, как читают привычные к документам люди, выхватывая структуру: даты, цифры, имена.

Гостиница «Россия». Построена в 1967 году. Снесена в 2006–2010. Пожар — 25 февраля 1977 года. Погибших — 42 (по официальным данным). Причина — не установлена. Версии: короткое замыкание, паяльник в радиоузле, неосторожное обращение с огнём. По делу осуждены два работника радиоузла — сроки от года до полутора. Материалы переданы в КГБ. Журнал постояльцев — утерян.

Марат остановился. Перечитал: «журнал постояльцев — утерян». Не «утерян». В Википедии — «утрачен». Марат знал разницу: «утерян» — случайно, «утрачен» — намеренно. Журнал не потеряли. Его убрали.

Он продолжил. Статья упоминала: «ипподромная мафия», «тотализатор», «криминальные разборки». Версия поджога — криминальная. Не подтверждена. Другая версия — техническая: паяльник, оставленный включённым. Осуждены двое. Третья — «заказной поджог с целью уничтожения следов тайной встречи». Без подробностей. Сноска на

статью из «Московского комсомольца» 2005 года, недоступная — ссылка мёртвая.

Марат закрыл ноутбук. Не потому что прочитал — потому что понял. Пассажир говорил: «администратор гостиницы». «Тридцать два года». «Самая большая гостиница в Европе». «Тысяча номеров». «Двадцать пятого». «Огонь».

Марат посмотрел на часы: 18:45. До смены — три с половиной часа. Он встал, прошёлся по квартире — три шага к окну, три обратно. Трамвай за окном — звякнул, проехал. Марат смотрел: трамвай, рельсы, провода, серое небо. Обычная жизнь. Обычный день. И — поверх, как прозрачная калька — другая реальность: запах гари, ткань из 1977 года, пассажир без лица, который исчез без звука.

Марат остановился. Подошёл к столу. Выдвинул ящик. Достал ткань. Положил рядом с лупой. Сел. Посмотрел на то и другое — и принял решение.

Не думать. Списать. «Странный пассажир, вышел, забыл фрагмент одежды. Ткань — старая, возможно из гардероба, ретро-стиль, мода на винтаж. Запах — от ткани, от старого шкафа. Гарь — совпадение, запах из уличного воздуха, осень, горят листья». Версия — слабая, но рабочая. Марат был специалист по рабочим версиям — тем, что не объясня-

ют всё, но объясняют достаточно, чтобы спать.

Он убрал ткань в ящик. Закрыл. Пошёл готовиться к смене: душ, рубашка, жилетка, термос. Кофе — крепкий, без сахара, без молока. Термос — стальной, матовый. Якорь.

Стоянка. Двадцать-о́не тридцать. Ринат — «спокойной ночи». Серёга и Азамат — не на месте, смены разные. Марат один в боксе. Обходит машину. Левое крыло — царапина. Та же. Заводит — ровно. Салон — чисто. Проверка под сиденьями — пусто. Термос — в подстаканнике. Приложение — тёмный экран, зелёная полоса. Всё, как вчера. Всё, как всегда.

Кроме одного: Марат открывает бардачок. Аптечка, салфетки, зарядник. И — запах. Тонкий, как нить. Гарь. Вчера не было — сегодня есть. Или вчера был, но Марат не заметил — потому что не искал. Сегодня — ищет. Сегодня знает, что искать. Марат закрывает бардачок. Запах остаётся — тонкий, призрачный, как тень запаха. Неуловимый, но — есть.

Марат выезжает. Садовое — на север. Мокрый асфальт, голые деревья, фонари. Вчера — дождь. Сегодня — сухо, но холодно, минус два, лёгкий мороз, пар изо рта. Окно — при-

открыто на два сантиметра. Воздух движется.

Рация.

— Вергасов, ты на смене?

Лена. Тот же голос — тёплый, низкий, хриплый. Как будто не спала. Или — не просыпалась.

— На смене.

— Как ночь?

— Началась.

Пауза. Длиннее обычного. Марат ждёт. Лена говорит:

— Марат, ты вчера жаловался на странный заказ?

Марат не жаловался. Он сообщил — сухо, по-диспетчерски. Но Лена назвала это «жаловался». Интересно. Как будто — не по форме, а по сути.

— Сообщил. Заказ без адреса, без имени, без оплаты.

— Я проверила. В системе его нет. Ни заявки, ни точки подачи, ни маршрута. Как будто его не было.

Марат молчит. Едет. Садовое — мимо Курского вокзала, мимо парка, мимо тёмных окон.

— То есть — технический сбой?

— Вергасов, — говорит Лена, и в голосе — не irritation, а усталость, — ты ведь следователь. Бывший, но следователь. Скажи мне: если факт не фиксируется системой, но фиксируется свидетелем — это сбой или факт?

Марат не отвечает. Потому что ответ — очевиден, и очевидность его неприятна. Факт. Не сбой. Факт, который система не фиксирует, потому что система для фактов другого порядка. Для живых фактов. Для тех, что можно оплатить, оценить, прокомментировать. Вчерашний пассажир — не из тех.

— Лена, — говорит Марат, — а если — не сбой. Что тогда?

Долгая пауза. В радиии — треск, шорох, как ветер в проводах. Потом — тихо, почти шёпотом:

— Тогда — веди. Просто веди. И запоминай.

Марат хочет спросить — что запоминать, зачем, для кого. Но Лена отключается. Рация — молчит. Марат едет.

Приложение мигает. Двадцать-two сорок. Заказ: ул. Разина, 12. Марат смотрит на экран и хмурится. Улица Разина — старое название. С 1990 года — Варварка. Приложение указывает современный адрес — но в строке «Комментарий» — опять одно слово. Не «Прогулка». Другое: «Домой».

Марат проверяет: пассажир — не указан. Рейтинг — пусто. Оплата — прочерк. Та же форма. Тот же пустой шаблон. Марат берёт рацию:

— Лена, ещё один. Без имени, без оплаты. Комментарий — «Домой».

Молчание. Марат повторяет. Молчание. Потом — голос Лены, далёкий, как из глубины:

— Я слышу. Езжай, Марат. Езжай.

Марат включает передачу. Выезжает на Садовое, поворачивает на Китай-город. Варварка — узкая, старая, с храмами по левую руку и стеной Китай-города по правую. Ночью — пустая, тёмная, с редкими фонарями, бросающими жёлтые круги на мостовую. Улица, которая помнит Москву до переименований — до того, как переименования стали способом забвения.

Марат останавливается у номера двенадцать. Старое здание — кирпич, арка, тёмные окна. Фонарь над аркой — тусклый, мигает. Марат ждёт.

Дверца открывается — сзади, справа. Марат не видел, кто подошёл: в зеркало — пусто, на улице — никого. Дверца открывается сама — мягко, без рывка. Как будто её открыли изнутри.

Женщина садится. Марат слышит: шорох ткани, лёгкий звук — что-то твёрдое стукнуло о борт сиденья. Сумка? Портфель?

Он смотрит в зеркало.

Женщина — лет тридцати пяти. Может, тридцати —

определить сложно. Волосы — тёмные, густые, убраны назад, открывая высокий лоб. Лицо — тонкое, с резкими скулами, с тонким ртом, уголки которого приподняты — не улыбка, а выражение, привычное к улыбке. Глаза — большие, тёмные, с каким-то странным блеском — не живым, а отражённым, как от огня, которого нет в салоне. Одеты: платье — тёмное, простое, с белым воротничком. Пальто — серое, на пуговицах, неброское, но — сшито хорошо, как умели в советском ателье: не модно, но на совесть. На ногах — туфли, чёрные, с невысоким каблуком. Не новые — но ухоженные, надраенные.

На коленях — сумка. Кожаная, потёртая. Из сумки торчат — мандарины. Три, может четыре, жёлто-оранжевые, с зелёными листиками. Марат смотрит — и не понимает: мандарины в октябре? В 2026 году мандарины — круглый год, в любом супермаркете. Но мандарины в сумке — другие. Мелкие, с тонкой кожурой, с зелёными листьями — те, что продавались в советских магазинах, в сезон, в декабре, по два рубля за кило. Те, что пахли не цитрусом, а праздником.

Запах. Марат вдыхает — и под запахом мандаринов, свежим, сладковатым, — второй. Тот же, что вчера: сухой, тёплый, как от старого шкафа. Запах времени. И — под ним, тоньше, слабее — гарь. Не от мандаринов. От женщины. От её пальто, от её волос, от её кожи — как будто она неслась с

собой, в складках одежды, в порах — едкий, горький дым.

— Добрый вечер, — говорит Марат. — Куда едем?

Женщина смотрит в зеркало — прямо на него. Глаза в глаза. Марат чувствует — холодок, не от окна, не от мороза, а изнутри, как будто кто-то провёл пальцем по позвоночнику. Взгляд — не вопрос, не просьба, не вызов. Встреча. Как будто она ждала его — и дождалась.

— На улицу Разина, — говорит она. — Домой.

Голос — негромкий, с хрипотцой, как у певицы, которая поёт на износ. Тёплый. Не молодой и не старый — голос, который не определяется возрастом, как голос по телефону, когда не знаешь, с кем говоришь.

— Это здесь, — говорит Марат. — Мы на Варварке. Бывшая улица Разина.

— Бывшая, — повторяет женщина. — Многое — бывшее.

Пауза. Потом:

— Просто покатай меня. Мне нужно — проехаться. Я скажу, где остановиться.

Марат включает счётчик. Машина трогается.

Они едут — по Варварке вниз, к Васильевскому спуску, мимо храма Варвары, мимо Старого Гостиного двора. Женщина смотрит в окно — и Марат замечает: она смотрит на здания так, как смотрят на людей, которых давно не видел. Не разглядывает — узнаёт. Как будто каждый дом — лицо, которое она помнит, но которое изменилось, постарело, обросло новыми деталями, потеряло старые.

— Красивая улица, — говорит она. — Узкая. Как коридор в гостинице. Знаешь, в гостинице коридоры — как улицы. Только крытые. И двери — как дома. Ты стучишь — и тебе открывают. Или не открывают.

Марат молчит. Слушает.

— Я работала в гостинице. Горничной. Убирала номера. Двенадцать номеров в день — норма. Двенадцать чужих жизней, по двадцать минут на каждую. Постель, полотенца, мыло, пепельница. Иногда — цветы. Иногда — записки, забытые на тумбочке. Я читала — не из любопытства. Из одиночества. В записках — больше жизни, чем в разговорах.

«Милая, я буду в среду». «Не звони мне сюда». «Я забыл таблетки, купи». Двенадцать записок в день — двенадцать маленьких историй, без начала и конца. Ты в середине — и уходишь, не зная, чем закончилось.

Она замолкает. Марат ведёт — по набережной, по Кремлёвской, мимо моста. Женщина достаёт из сумки мандарины — медленно, двумя пальцами, как достают драгоценность. Кладёт на ладонь. Кожица — тонкая, бугристая, оранжевая с зелёным. Она не чистит — держит, нюхает. Закрывает глаза.

— Мой человек любил мандарины, — говорит она. — Покупал мне. Каждую зиму. В декабре — всегда мандарины. Говорил: «Пахнут лучше, чем звучат». Смешной. Нежный.

— Что с ним стало? — спрашивает Марат. И тут же — спохватывается: не его дело. Водитель не задаёт вопросов. Водитель слушает.

Но женщина не обрывает. Отвечает — тихо, как будто издалека, как будто голос идёт не из горла, а из глубины, из того места, где хранят не слова, а тяжесть.

— Сгорел. Мы оба — сгорели.

Марат не реагирует. Ведёт. Руки — на руле, ровно. Серд-

це — нет. Сердце — один удар, тяжёлый, как стук в дверь, которую не открывают.

«Сгорели». Не «умер». Не «погиб». «Сгорели». Марат вспоминает — статью из Википедии, цифры, даты, 25 февраля. Женщина говорит о пожаре. Гостиница. Горничная. Сгорели.

— В каком году? — спрашивает Марат, и голос — ровный, следовательский, без дрожи, без любопытства. Профессиональный.

Женщина открывает глаза. Смотрит в зеркало — и Марат видит: блеск в глазах — не отражение. Не фонарь, не неон. Свет — изнутри. Тёплый, оранжевый, как от свечи. Женщина улыбается — краем рта, грустно, без надежды.

— Ты уже знаешь, — говорит она. — Ты спрашиваешь, но уже знаешь.

Марат молчит. Потому что — да. Знает. Или — чувствует. Не факт, не цифру, не дату — а то, что за фактом. Тепло, которое идёт от заднего сиденья — то же, что вчера. Запах гари — сильнее, чем от пассажира-мужчины. Ткань, старая, из 1977 года, в ящике стола дома. И — мандарин, который женщина держит на ладони, маленький, советский, с листи-

ком, которого не бывает в октябре, который бывает в декабре, в сезоне, в магазине за два рубля за кило.

Машина едет. Кремлёвская набережная, мимо парка Зарядье — тёмного, огромного, с мостами и холмами, сравнительно новыми, построенными на месте, где стояло что-то другое. Марат смотрит на парк — и чувствует странное: место притягивает. Не красотой — тяжестью. Как будто под землёй, под травой, под новыми дорожками — что-то осталось. Не стены — а след. Тепло, вросшее в землю.

Женщина говорит:

— Останови здесь.

Марат останавливается. Парк Зарядье — вход, фонари, тёмные дорожки. Ночь, мороз, пар изо рта. На скамейках — никого. Город — спящий.

Марат смотрит на счётчик.

Ноль.

Тот же ноль. Тот же пустой экран, та же строка: «Поездка

завершена. Оплата: —». Прочерк. Как будто поездки не было. Как будто — ничего не было.

Марат оборачивается.

Женщина сидит. Не ушла. Смотрит на него — в лицо, не через зеркало, а прямо. Глаза — тёмные, глубокие, с оранжевым блеском, который Марат теперь видит ясно. Не отражение. Свет. Тёплый, ровный, как от лампы, которую держат в руке. Но лампы — нет.

— Ты ведь не просто водитель, — говорит она. Не вопрос — утверждение.

— Я водитель, — говорит Марат.

— Нет. Ты — тот, кто слушает. Тебя выбрали — не машину. Тебя.

— Кто выбрал?

Она не отвечает. Улыбается — той же грустной улыбкой. Берёт мандарин — тот, что держала на ладони — и кладёт его на среднюю консоль, между ними. Между передними сиденьями. Рядом с термосом.

— На память, — говорит она. — Ты поймёшь — потом.

И выходит. Марат слышит — впервые — звук: щелчок дверцы. Мягкий, чёткий. Как у человека, который умеет закрывать двери. Дверца закрывается. Марат оборачивается.

Пусто. Сиденье — серое, ровное, прохладное. Но — на сиденье, там, где она сидела, — впечатление, вмятина, едва заметная, как будто кто-то нажал на кожу и отпустил. Марат прикладывает ладонь. Прохладно. Но — не холодно. Чуть-чуть теплее, чем должно быть. Еле заметно. Как остаток тепла от ладони, которая убрана секунду назад.

Марат сидит в машине. Мандарин — на консоли, рядом с термосом. Маленький, оранжевый, с зелёным листиком. Марат берёт его. Подносит к носу. Запах — свежий, сладкий, цитрусовый. Настоящий. Живой. Под ним — гарь, тонкая, как нить. И под гарью — что-то третье. Не запах. Тишина. Тишина, которая пахнет.

Марат кладёт мандарин в бардачок. Рядом с аптечкой, салфетками, зарядником. Закрывает. Думает: «Не надо». Думает: «Выбросить». Думает: «Завтра». И — не выбрасывает. Оставляет. Как оставил ткань. Как оставил всё в сво-

ей жизни — не выбрасывал, а складывал. Трудовая в ящике. Лупа в ящике. Брак в прошлом. Жизнь — в бардачке.

Он включает приложение. Новый заказ — обычный: «Большая Дмитровка, 7, доставка в аэропорт Внуково». Марат едет. Пассажир — женщина с чемоданом, в пальто, с телефоном. Разговаривает с кем-то, смеётся, живёт. Марат везёт. Работает до утра. Гарь в салоне — остаётся. Не уходит. Мандарин — в бардачке. Марат не открывает бардачок до конца смены.

Утро. Стоянка. Марат паркует, гасит фары, выходит. Ринат — «спокойной ночи» (хотя утро — «спокойной», всегда «спокойной»). Марат идёт домой. Не оглядывается.

Дома — открывает ящик стола. Ткань — на месте. Лупа — на месте. Марат достаёт мандарин из кармана жилетки. Кладёт рядом с тканью. Смотрит: тёмно-синяя полоска из 1977 года и маленький оранжевый мандарин с зелёным листиком. Два предмета. Два доказательства. Два факта, которые не фиксируются системой, но фиксируются свидетелем.

Марат садится. Берёт блокнот — обычный, в линейку, из «Перекрёстка». Ручку — чёрную, «Паркер», подарочную, от

бывшей жены. Ирина подарила на день рождения — пять лет назад, когда ещё была. Ручка — единственное, что осталось от неё. Марат не пишет писем, не ведёт дневник. Но — следовательно. Следователи пишут.

Он открывает блокнот. На первой странице — пишет:

****«Пассажир 1. Мужчина, ~60. Виктор Степанович. Администратор гостиницы. Костюм тёмно-синий, подкладочная ткань (ГОСТ 77). Галстук "виндзор". Кольцо с тёмным камнем. Запах — старая ткань, гарь. Упомянул: 25 февраля, огонь, гостиница, 1000 номеров. Исчез — бесшумно. Оплата: 0. Осталась: ткань».****

Переворачивает страницу:

****«Пассажир 2. Женщина, ~35. Имя — не назвала. Горничная гостиницы. Платье тёмное, бел. воротник. Пальто серое. Мандарины — сов. образец, с листиком. Запах — мандарины, гарь. Сказала: "сгорели" (о себе и "человеке"). Исчезла — после щелчка двери. Оплата: 0. Остался: мандарин. Упомянула: "тебя выбрали — не машину, тебя"».****

Марат закрывает блокнот. Кладёт ручку. Смотрит на мандарин и ткань — лежат рядом, на столе, как улики на столе следователя. Две улики. Один день. Две истории. Одна —

про администратора, который помнил лица. Другая — про горничную, которая читала записки. Оба — из гостиницы. Оба — сгорели.

Марат встаёт. Идёт в ванную. Умывается — холодной водой. Смотрит в зеркало. Лицо — осунувшееся, тёмные круги. На правой щеке — розовый след. Тот же. Полукруглый, с неровным краем, как от жара. Как будто кто-то прижал тёплую ладонь.

Марат трёт водой. След исчезает. Марат смотрит — секунду, две, три. Потом — выключает свет.

В темноте — запах. Мандарины и гарь. Свежий, сладкий, горький. Как декабрь и февраль одновременно. Как праздник и пожар.

Марат ложится. Закрывает глаза. И слышит — на краю сна, как эхо, как голос из-за стены:

«Тебя выбрали — не машину. Тебя».

Засыпает. И снится ему коридор — длинный, крытый, с дверями по обе стороны. Двери — закрытые. За ними — тишина. И тепло. Тепло, которое растёт.

Глава 3. Архив без номеров

Утро выдалось серым и липким — как будто город не проснулся, а просто приоткрыл один глаз и тут же зажмурился. Марат стоял у окна в своей съёмной квартире, смотрел, как трамвай ползёт по рельсам, и думал не о смене, не о кофе, а о мандарине. Он лежал на столе рядом с полоской ткани — маленький, оранжевый, с зелёным листиком, который уже начал подсыхать и скручиваться. Марат не ел его и не выбрасывал. Не потому что верил в приметы — он не верил ни в приметы, ни в судьбу, ни даже в совпадения. Он верил в улики. А мандарин был уликой. Как и ткань. Как и розовый след на щеке, который появлялся и исчезал, будто его рисовали невидимой кистью.

Марат взял блокнот. Открыл на странице с записями о пассажирах. Прочитал вслух, тихо, чтобы не слышать собственного голоса:

— «Пассажир 1. Администратор. Гостиница. 25 февраля. Сгорел. Пассажир 2. Горничная. Сгорела. Оба — из одной истории».

Он перевернул страницу. На чистом листе вывел крупно:

«Гостиница „Россия“. Пожар. 25.02.1977». Ниже — столбиком: «Администратор. Горничная. Тысяча номеров. Журнал постояльцев — утрачен». И в самом низу, почти шёпотом: «Почему я?»

Ответа не было. Но был вопрос, который Марат не хотел задавать вслух: а если это не галлюцинации, не переутомление и не игра уставшего мозга — если это правда, то кто их посылает? И зачем?

Он закрыл блокнот, положил ручку. Посмотрел на мандарин. Взял его, поднёс к носу. Запах был всё тот же: свежий цитрус и под ним — тонкая, упрямая горечь, как от дыма, который вьелся в ткань, в волосы, в память. Марат положил мандарин обратно. Не в карман, не в бардачок — на стол. Пусть лежит. Пусть будет.

На стоянке было тихо. Ринат кивнул — «спокойной ночи», хотя на часах было уже почти восемь вечера. Серёга и Азамат стояли у бокса, курили, смеялись над чем-то. Когда Марат подошёл, Серёга сразу спросил:

— Ты чего такой мрачный? Будто не такси водить идёшь, а на допрос.

Марат только пожал плечами. Не хотел объяснять. Да и нечего было объяснять. Он обошёл машину — левое крыло, царапина, капот, правое крыло, багажник, задний бампер. Всё на месте. Завёл. Мотор ровно выдохнул, как старый знакомый, который знает, что сегодня будет длинная ночь.

В бардачке — аптечка, салфетки, зарядник. И мандарин. Марат не удивился, что он там. Он почти ждал. Будто мандарин сам нашёл дорогу. Марат закрыл бардачок. Сел. Прикрутил рацию.

— Вергасов, ты на смене? — голос Лены, тёплый, низкий, как всегда.

— На смене.

Пауза. В ней — что-то новое. Не тишина, а ожидание.

— Марат, — сказала Лена, и голос её стал тише, будто она боялась, что её услышат, — я посмотрела логи. За вчерашний вечер у нас не было ни одного заказа без адреса. Ни одного. Ни с комментарием «Прогулка», ни с «Домой». Система не фиксирует такие поездки.

Марат молчал. Он ждал этого. Ждал, что реальность нач-

нёт спорить с тем, что он видел.

— То есть ты хочешь сказать, что их не было? — спросил он.

— Я хочу сказать, что система их не видит. А ты — видишь. И это... тревожно.

— Тревожно — это когда клиент пьяный и лезет драться, — сказал Марат. — А это... это другое.

Лена вздохнула. Марат услышал этот вздох, как будто она сидела рядом, а не где-то в Бутово, в тёмной комнате, перед старым микрофоном.

— Просто будь осторожен, — сказала она. — Если снова будет такой заказ — не езжай в глухие места. И не оставайся один на один.

— Я всегда один, — ответил Марат. — Я так работаю.

Ещё одна пауза. Потом — тихо:

— Тогда просто помни: ты не один. Даже если кажется, что один.

Марат не ответил. Он не умел отвечать на такие слова. Он умел отвечать на факты.

Первый заказ был обычный: «Тверская, 4. Доставка в Шереметьево». Пассажир — мужчина в костюме, с ноутбуком, всё время что-то печатал, не поднимая глаз. Марат вёз, смотрел в зеркало, думал о том, как странно устроена жизнь: одни люди едут в аэропорт, чтобы улететь, другие — чтобы встретить, третьи — чтобы проводить. А он просто везёт. И вдруг ему показалось, что в зеркале, за спиной пассажира, мелькнуло что-то — тень, движение, как будто кто-то стоял у двери и ждал, когда она откроется. Марат моргнул — и тень исчезла.

«Устал», — подумал он. — «Слишком много ночей подряд».

Но усталость не объясняла мандарин в бардачке. И ткань в ящике стола. И запах гари, который теперь чувствовался даже в машине, хотя печка работала на минимуме, а окно было приоткрыто на два сантиметра.

Второй заказ — «Патриаршие пруды, доставка на Кутузовский». Пассажирка — молодая женщина, смеялась,

разговаривала по телефону, рассказывала кому-то, как она «просто выскочила на пять минут, а теперь опаздывает». Марат слушал её смех, звонкий, живой, и чувствовал, как этот смех царапает что-то внутри — будто он забыл, как звучит нормальный, человеческий смех.

Третий заказ — пустой.

Приложение мигнуло: «ул. Моховая, 15». Комментарий — одно слово: «Тихо».

Марат замер. Рука на руле, пальцы чуть сжались. Он посмотрел на рацию, хотел позвать Лену, но не стал. Что он ей скажет? «Мне снова пришёл странный заказ»? Она и так знает. Она всё знает. Или почти всё.

Он тронулся. Моховая — узкая, тихая, с редкими фонарями, которые бросали жёлтые круги на асфальт. Марат остановился у дома 15. Старый особняк, лепнина, тёмные окна. Над входом — фонарь, который мигал, как больной глаз.

Дверца открылась. Без стука. Без скрипа. Просто открылась, и всё.

На заднее сиденье сел мальчик. Лет десяти, может, чуть меньше. В пальто, которое было ему велико, в шапке, натя-

нутой до бровей. Он сел, аккуратно, как будто боялся что-то сломать, и закрыл дверцу — мягко, до щелчка.

Марат посмотрел в зеркало. Лицо мальчика было бледным, почти прозрачным, с синими тенями под глазами. Он смотрел не на Марата, а в окно, будто искал что-то знакомое в темноте.

— Добрый вечер, — сказал Марат, стараясь, чтобы голос звучал обычно, по-водительски. — Куда едем?

Мальчик не ответил сразу. Он продолжал смотреть в окно, потом медленно перевёл взгляд на Марата. Глаза у него были большие, тёмные, с тем же странным блеском, который Марат уже видел — не живой, а отражённый, как свет от огня, которого нет.

— Никуда, — сказал мальчик. — Просто поезжай. Мне нужно, чтобы машина ехала.

Голос был тихий, но чёткий, без детской дрожи. Как будто он привык говорить так, чтобы его слышали, но не кричали.

— А родители знают, что ты здесь? — спросил Марат.

Мальчик покачал головой.

— Они... не могут знать. Они там, где тихо.

Марат хотел спросить «где», но не спросил. Что-то подсказало ему, что этот вопрос не нужно задавать.

Машина тронулась. Поехала по Моховой, потом на Воздвиженку, потом на Новый Арбат. Мальчик смотрел в окно, не моргая, как будто запоминал каждый дом, каждый фонарь, каждую тень.

— Ты любишь ездить на машине? — спросил Марат, чтобы сказать хоть что-то.

Мальчик кивнул.

— Да. В машине можно не слышать.

— Не слышать что?

— Крики. И шаги. И как трещат стены.

Марат почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от холода, не от ветра — от слов. От того, как они легли в тишину салона, тяжёлые, как камни.

— Это про гостиницу? — спросил он, не глядя на мальчика, глядя на дорогу.

Тот снова кивнул.

— Да. Там всегда было шумно. Даже ночью. Даже когда все спали. Стены шептали. Лифты скрипели. Двери хлопали. А потом... потом стало тихо. Слишком тихо.

Марат вспомнил статью, которую читал: «журнал постельцев — утрачен». Он хотел спросить про журнал, но боялся спугнуть мальчика. Боялся, что тот исчезнет, как предыдущие пассажиры, оставив после себя только запах и тень.

— Ты там жил? — спросил он осторожно.

— Нет. Я там работал. Помогал маме. Она была горничной. Мыли полы, меняли полотенца, убирали пепельницы. Иногда я сидел в кладовке и слушал, как мама поёт. Она пела тихо, чтобы никто не слышал. А я слышал.

Марат сжал руль чуть крепче. Ему вдруг стало невыносимо жаль этого мальчика — не как пассажира, а как человека, который видел слишком много для своих лет.

— А что было потом? — спросил он.

— Потом пришёл огонь. Он был быстрый. Он не кричал, он шептал. И всё стало чёрным.

Марат почувствовал, как в салоне стало теплее. Не от печки — от мальчика. От его слов, от его памяти, от тепла, которое он нёс с собой, как носят старую фотографию в кармане.

Они ехали по набережной, мимо парка Горького, мимо огней, мимо тёмных домов. Мальчик смотрел на воду, на отражения, на то, как свет ложится на чёрную поверхность.

— Вода всё помнит, — сказал он вдруг. — Она не горит. Она просто ждёт.

Марат не знал, что ответить. Он просто ехал. Ровно, спокойно, не торопясь. Как будто от скорости зависело, останется ли мальчик в машине или исчезнет, как дым.

Когда они доехали до Крымского моста, мальчик сказал:

— Останови здесь.

Марат остановился. Выключил счётчик. На экране — ноль. Опять ноль. Как будто поездки не было.

Мальчик посмотрел на Марата. В его глазах было что-то, чего Марат раньше не видел — не страх, не грусть, а понимание. Как будто он знал что-то важное и хотел это передать, но не знал как.

— Ты не такой, как другие, — сказал мальчик. — Ты слушаешь. Не ушами. А сердцем.

Марат хотел возразить, сказать, что он просто водитель, что он никого не слушает, но слова застряли в горле.

— Спасибо, — сказал мальчик. И протянул руку. В ладони у него лежала пуговица — старая, костяная, с потёртыми краями. — Возьми. Она от маминого халата. Он был синий, в клетку. Она его очень любила.

Марат взял пуговицу. Она была тёплой, как мандарин, как ткань. Он сжал её в кулаке.

— Я сохраню, — сказал он.

Мальчик улыбнулся — впервые за всю поездку. Улыбка была короткой, как вспышка, и такой же светлой.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда она не потеряется.

И вышел. Дверца закрылась. Марат обернулся. Сиденье было пустым. Но на нём, там, где сидел мальчик, лежала тень — не тёмная, а светлая, как след от солнца, который остаётся на коже после пляжа.

Марат сидел в машине. Держал в руке пуговицу. Смотрел на неё, на её потёртые края, на крошечные дырочки, через которые когда-то проходили нитки. Он думал о том, что эта пуговица — тоже улика. Ещё одна. Третья.

Он положил её в карман жилетки. Рядом с мандарином, который он достал из бардачка и сунул туда же, не задумываясь. Пусть будут вместе. Пусть лежат рядом.

Остаток смены прошёл как в тумане. Марат возил обычных пассажиров, слушал обычные разговоры, отвечал обычными фразами. Но в голове у него крутились слова мальчика: «Вода всё помнит. Она не горит. Она просто ждёт».

Когда он вернулся на стоянку, Ринат снова кивнул — «спокойной ночи». Серёга и Азамат уже ушли. Бокс был пустым, тёмным, с запахом резины и бензина, который теперь казался Марату почти родным.

Дома он сел за стол. Достал блокнот. На новой странице написал:

****«Пассажир 3. Мальчик, ~10 лет. Сын горничной. Работал в гостинице. Видел пожар. Сказал: «Огонь шептал». Исчез после остановки у Крымского моста. Оплата: 0. Осталась: пуговица от халата матери».****

Под этим он написал ещё одну строчку, которую не хотел писать, но написал, потому что она не давала ему покоя:

****«Все трое — из гостиницы „Россия“. Все трое — сгорели 25.02.1977. Все трое — говорят со мной. Почему?»****

Он отложил ручку. Взял пуговицу, повертел в пальцах. Потом достал мандарин и ткань. Разложил их на столе — пуговица, мандарин, ткань. Три предмета. Три истории. Три жизни, которые закончились в одном месте и в одно время.

Марат встал. Подошёл к окну. За окном была ночь, трамвайные пути, редкие огни, серое небо. Город спал. Или делал вид, что спит.

Марат вернулся к столу. Взял телефон. Открыл браузер. Набрал: «архив гостиницы „Россия“». Пролистал несколько ссылок. Ничего. Только общие статьи, фотографии, вос-

поминания. Никаких списков, никаких журналов, никаких имён.

Тогда он набрал: «список погибших при пожаре в гостинице „Россия“ 25.02.1977».

Первая ссылка — сайт с базой данных жертв катастроф. Марат кликнул. Страница загружалась долго, как будто не хотела открываться. Наконец — список. Длинный, бесконечный, с фамилиями, инициалами, годами рождения. Марат начал искать. Он не знал, кого ищет — администратора, горничную, мальчика. Он искал тех, чьи истории он слышал.

Администратор — Виктор Степанович. Фамилия не названа. Марат вбил «администратор гостиница Россия 1977» — ничего.

Горничная — имя не названо. «Горничная гостиница Россия пожар 1977» — только общие фразы, без имён.

Мальчик — сын горничной. «Дети погибшие пожар гостиница Россия 1977» — несколько имён, но ни одного, которое звучало бы знакомо.

Марат закрыл браузер. Посидел, глядя в чёрный экран телефона. Потом взял блокнот и написал на полях: «Они не в

списках. Их нет нигде. Но они есть».

Он лёг спать, но сон не шёл. Он лежал, смотрел в потолок, слушал, как за стеной тикают часы, как где-то внизу хлопает дверь, как ветер стучит в окно. И думал о том, что если эти люди не в списках, если их нет в архивах, если система их не фиксирует — значит, они остались где-то между. Между прошлым и настоящим. Между жизнью и смертью. Между тем, что можно записать, и тем, что можно только услышать.

И он — Марат Вергасов, бывший следователь, нынешний таксист — был тем, кто их слышал.

Не потому что он особенный. А потому что он умел молчать. И слушать.

А они — те, кто сгорел, — искали того, кто их услышит.

Глава 4. Премиум-Лайн

Марат не поехал на стоянку. Не потому что опаздывал — он никогда не опаздывал, — а потому что решил сделать то, чего не делал три года: проверить, на кого работает.

Это было не в его правилах. Три года в «Премиум-Лайн» — и ни разу он не задал вопроса, который должен был задать в первый день: кто платит, кто владеет, кто стоит за названием. Марату было всё равно. Ему нужна была ночная работа, тёмная машина, тишина. «Премиум-Лайн» дал ему всё это — и больше ничего. Договор — на сайте, электронный, без подписи и печати. Зарплата — на карту, каждый месяц, ровно, без задержек. Ни одного личного контакта с руководством за три года. Только Лена — голос в радиии — и Ринат на стоянке, который, строго говоря, работал не на «Премиум-Лайн», а на охранный агентствo, которое обслуживало бокс. Марат не знал этого наверняка — просто предполагал. Он никогда не спрашивал.

Но теперь — спрашивал. Потому что три пассажира, которые исчезают. Потому что приложение, которое не фиксирует поездки. Потому что Лена, которая говорит «не анализируй» — а сама анализирует каждую секунду. Потому что мандарин, ткань и пуговица — три предмета из 1977 года, лежащие на столе в квартире на Автозаводской, как улики на столе следователя. Марат был следователем. Следователь задаёт вопросы.

Днём — в четыре часа, после сна — Марат сел за ноут-

бук. Старый «Леново» гудел кулером, как муха в банке. Марат открыл браузер, набрал: «Премиум-Лайн такси». Первая ссылка — сайт. Простой, минималистичный: чёрный фон, белые буквы, логотип — стилизованная руль--емблема, без деталей. Сайт выглядел как визитка: краткое описание сервиса, форма заявки для водителей, номер телефона. Всё. Ни адреса офиса, ни реквизитов, ни сведений о регистрации. Ни одного имени. Ни одной фамилии.

Марат кликнул «Контакты». Страница: телефон — 8-800, без городского номера. Email — info@premiumline-taxi.ru. Адрес — не указан. Форма обратной связи — три поля: имя, телефон, сообщение. Марат заполнил: «Марат Вергасов, водитель. Прошу предоставить реквизиты работодателя и адрес офиса». Нажал «Отправить». Экран мигнул: «Ваше сообщение отправлено. Мы свяжемся с вами в ближайшее время». Марат не поверил. Но — отправил.

Потом позвонил. 8-800. Гудок — длинный, гулкий, как в пустом помещении. Второй. Третий. Четвёртый. Потом — автоответчик. Женский голос, синтетический, без интонации: «Вы позвонили в службу поддержки „Премиум-Лайн“. Оставьте сообщение после сигнала». Марат повесил. Не стал оставлять. Автоответчик — не человек. Марат хотел человека.

Он открыл приложение на телефоне. Настройки — раздел «О приложении». Версия: 2.4.1. Разработчик: не указан. Лицензия: не указана. Дата выпуска: не указана. Ссылка на политику конфиденциальности — вела на пустую страницу с текстом «Раздел находится в разработке». Три года — и раздел в разработке. Марат вспомнил: в первый месяц он заметил это и подумал — «стартап, небрежность». Потом забыл. Теперь — не забыл. Теперь это выглядело иначе. Не небрежность. Намеренность. Приложение, которое не сообщает о себе ничего, — потому что не хочет, чтобы о нём знали.

Марат полез глубже. Открыл свойства файла приложения в системе — Android, раздел «Приложения», «Премимум-Лайн». Размер: 14 МБ — маленький для такси-сервиса. Для сравнения: «Яндекс Go» — 120 МБ, «Максим» — 80. Четырнадцать мегабайт — это карта, интерфейс и базовый функционал. Ни логов поездок, ни истории заказов, ни профиля водителя. Приложение делало одну вещь: показывало заказ. И одну вещь — не делало: не сохраняло ничего. Как будто каждый запуск — первый. Как будто приложение не имело прошлого.

Марат закрыл телефон. Сел. Думал. Как следователь, который собрал первичные данные и не нашёл субъекта. Нет субъекта — нет дела. Но есть факты. Три пассажира, три предмета, три истории. И нет работодателя. Нет разработчи-

ка. Нет адреса. Есть только голос Лены в радиии и Ринат на стоянке — два человека, которые не отвечают на вопросы о том, кто их нанял.

Марат взял телефон. Набрал другой номер — не «Премии-ум-Лайн», а другой. Гудок. Один. Два. Три.

— Да, — голос Рината. Тихий, ровный, как всегда.

— Ринат, это Вергасов. Вопрос: кто владеет стоянкой?

Пауза. Не короткая — секунды три. Ринат думал. Или — решал, отвечать ли.

— Агентство «Защита-С». Я работаю на них. Стоянка — их объект.

— А «Премии-ум-Лайн»? Они арендуют боксы?

— Не знаю, Вергасов. Мне платят за охрану. Кто арендует — не моё дело. Приходят машины — я охраняю. Всё.

— А кто приносит зарплату? Ты получаешь от «Премии-ум-Лайн» или от «Защиты»?

— От «Защиты». Я к «Премии-ум-Лайн» отношения не имею.

Я — охрана.

Марат помолчал. Ринат — не лжёт. Марат три года читал людей — подозреваемых, свидетелей, потерпевших — и различал ложь от правды, как различал звуки мотора. Ринат говорил правду: он не знает. Он — маленький человек в большой цепи, который видит только своё звено.

— Спасибо, Ринат.

— Спокойной ночи, — сказал Ринат. Хотя было четыре часа дня.

Марат оделся. Джинсы, куртка, ботинки. Вышел. Автозаводская — серая, ветреная, с трамваями и новостройками. Марат сел в автобус — 26-й, до метро «Тульская». Ехал двадцать минут, стоя у окна, глядя на Москву, которая катилась мимо, серая и безразличная. Вышел на Тульской. Прошёл мимо школы, мимо аптеки, мимо ларька с шаурмой — запах мяса и лука, едкий, живой. Повернул во двор.

Адрес, который Марат нашёл в приложении — единственный, хоть какой-то — был указан в разделе «Юридическая информация», в самом низу, мелким шрифтом: «Москва,

Большая Тульская, 10, офис 407». Марат знал эту улицу — стоянка «Премиум-Лайн» находилась на ней же, в другом конце, за промзоной. Но офис — в жилом доме, в бизнес-центре.

Большая Тульская, 10 — новое здание, девятиэтажное, стеклянное, с вывесками: «Бухгалтерия», «Стоматология», «Йога-студия». Марат вошёл в подъезд — кодовый замок, но дверь была не заперта. Лифт — поднялся на четвёртый. Офис 407 — в конце коридора, мимо двери с табличкой «ИП Кузнецов А.В., ремонт бытовой техники» и двери без таблички, но с следами от скотча — что-то было, сняли. Марат подошёл к 407.

Дверь — обычная, МДФ, покрашенная в серый. Табличка — пластиковая, белая, с чёрными буквами: «Премиум-Лайн». Шрифт — тот же, что на сайте: простой, без засечек. Марат подёргал ручку — заперто. Прислушался. Тишина. Ни голосов, ни шагов, ни гудения компьютеров. За дверью — пустота. Не тишина офиса в нерабочее время — а тишина помещения, в котором никто не работает. Марат знал эту разницу: в пустом офисе бывает гул — холодильник, сервер, кондиционер. Здесь — ничего. Абсолютная тишина, как в квартире, из которой выехали.

Марат постучал. Три раза — коротко, уверенно, как сту-

чат в дверь, которую не боятся открыть. Никто не ответил. Он постучал ещё — тише, как будто спрашивая разрешения. Тишина.

В конце коридора — дверь открылась. Вышла женщина, лет пятидесяти, в халате, с ведром — уборщица. Марат подошёл.

— Здравствуйте. Вы знаете, кто в 407?

Женщина посмотрела на него, потом на дверь 407.

— А вы кто?

— Я водитель. Работаю на них. Хочу решить вопрос по зарплате.

— По зарплате? — женщина усмехнулась. — Здесь давно никого нет. Этот офис — пустой уже год. Может, два. Я там убираю раз в месяц — пустые стены. Ни стола, ни стула. Только вешалка в углу и табличка на двери.

— Год? — Марат нахмурился. — Но мне зарплата приходит каждый месяц. На карту. Без задержек.

— Не знаю, — женщина пожала плечами. — Я убираю.

Кто платит — не моё дело. Но людей там нет. Точно нет.

Марат посмотрел на дверь 407. Табличка «Премиум-Лайн» — чистая, не пыльная, как будто её протирали недавно. Но за дверью — пустота. Год. Может, два. Офис без мебели, без людей, без жизни. Только вешалка в углу и табличка. Как декорация, которую забыли убрать.

— А кто арендует это помещение? — спросил Марат. — Кто платит за него?

— Не знаю. Платят — через банк, наверное. Я получаю от управляющей компании. Они платят — я мою. Кому принадлежит офис — не спрашивала.

Марат поблагодарил. Вышел из здания. Стоял на Большой Тульской, смотрел на серое небо, на проезжающие машины, на женщину с коляской. Москва — живая, шумная, настоящая. И в ней — пустой офис с табличкой, который кто-то оплачивает, но в котором никто не работает. Призрачный офис призрачной компании.

Дома Марат сел за ноутбук. Открыл «Госуслуги» — раздел «Проверка контрагента». Вбил: «Премиум-Лайн». Ре-

зультат — три организации с похожими названиями, все — в других городах: Пенза, Тюмень, Уфа. Ни одной — в Москве. Марат попробовал ИНН, указанный в приложении — единственный идентификатор, который нашёл. Система выдала: «Организация снята с учёта. Дата: 12.03.2019». Семь лет назад. Компания существовала — и перестала. Но приложение работает. Зарплата приходит. Стоянка функционирует. Ринат стоит. Лена говорит.

Марат откинулся на стуле. Потёр глаза. Ситуация, в которой он оказался, была — с точки зрения следователя — абсурдной. Работодатель не существует. Офис пуст. Компания снята с учёта. Но Марат получает зарплату, выполняет заказы, ездит на машине, которая — чья? Кто купил Mercedes? Кто оплачивает страховку, ТО, бензин? Кто платит Ринату? Кто платит Лене?

Лена. Марат взял рацию — она лежала на столе, рядом с блокнотом. Он не носил её домой обычно, но сегодня — взял. Машинально, как берут ключи. Он нажал кнопку.

— Лена.

Тишина. Треск. Как ветер в проводах.

— Лена, ты здесь?

— Здесь, — голос Лены. Тихий, как издалека. — Что случилось, Марат?

— Я был в офисе. На Тульской. Он пуст. Год. Может, два. Там нет ничего — ни столов, ни людей. Только вешалка и табличка.

Пауза. Длинная. Марат ждал.

— И что тебя удивляет? — спросила Лена. Голос — ровный, без удивления, без тревоги. Как будто она знала. Как будто ждала этого вопроса.

— Меня не удивляет. Меня тревожит. Я работаю на компанию, которой нет. Мне приходит зарплата от организации, снятой с учёта семь лет назад. Я езжу на машине, которая — ничья. Я хочу понимать, кто мной управляет и зачем.

— Никто тобой не управляет, Марат. Ты сам сел за руль. Ты сам открыл приложение. Ты сам взял заказ.

— Мне сказали — компания. Мне сказали — «Премиум-Лайн». Мне дали машину и приложение. Теперь оказывается — компании нет. Это не работа. Это — что?

Долгая пауза. Марат слышал дыхание Лены — или то, что он принимал за дыхание. Тихий, ровный звук, как от человека, который дышит через ткань.

— Марат, — сказала Лена, — ты помнишь, как тебя наняли?

Марат задумался. Три года назад. Он искал работу — ночную, тихую, без общения. Нашёл объявление на Авито: «Водитель премиум-такси. Ночные смены. Без опыта. Зарплата — от 80 000». Позвонил. Автоответчик. Ему перезвонили — через час, с незнакомого номера. Голос — женский, тёплый, с хрипотцой. Лена. «Марат, вам подходит? Приезжайте на стоянку, получите машину и приложение». Он приехал. Ринат дал ключи. Приложение — уже установлено в телефоне, который выдали вместе с машиной. Не его телефон — служебный. Марат держал его три года и ни разу не сменил. Ни разу не проверил, кто производитель, какой номер, какой тариф. Служебный телефон. Служебная машина. Служебная жизнь.

— Лена, — сказал Марат, — ты когда мне звонила — в первый раз — ты откуда звонила?

— Из дома, — ответила Лена. — Я работаю из дома.

— Из Бутово.

— Да.

— Адрес?

Пауза. Длиннее всех предыдущих. Марат ждал. В радиии — треск, шорох, тонкий свист, как от радиоволны, которые проходят через атмосферу.

— Марат, — сказала Лена, и голос её стал другим. Не тёплым, не хриплым — серьёзным, как у человека, который говорит то, что не хотел говорить, но понимает, что время пришло. — Ты был в пустом офисе. Ты нашёл компанию, которой нет. Ты проверил ИНН — снят с учёта. Ты спросил Рината — он не знает. Ты спрашиваешь меня — и я не отвечу. Не потому что не хочу. Потому что не могу. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что ты ещё не готов. Ты — следователь. Ты хочешь фактов. А я могу дать тебе только слова. Слова без фактов — не для тебя. Ты их не примешь. Ты будешь искать подтверждение — и не найдёшь. И разозлишься. И уйдёшь. А тебе нельзя уходить. Пока нельзя.

Марат молчал. Рука — на рации, пальцы сжаты. Он злился. Тихо, холодно, как умеют злиться люди, которые привыкли контролировать — себя, ситуацию, других. Злость — не на Лену. На себя. На то, что три года не задавал вопросов. Три года ездил в машине, которая ничья, получал зарплату от компании, которой нет, слушал голос женщины, у которой нет адреса. Три года — и ни одного вопроса. Потому что ему было всё равно. Потому что он прятался. В ночи, в тишине, вапonymousности — прятался от прошлого, от вопросов, от себя. А теперь прошлое нашло его само — в виде пассажиров, которые исчезают, и предметов, которые остаются.

— Лена, — сказал Марат. Тихо, но жёстко. — Я не уйду. Но я буду спрашивать. Каждый день. Пока не получу ответ.

— Хорошо, — ответила Лена. — Спрашивай. Я буду отвечать — когда смогу. А пока — делай то, что умеешь. Веди. Слушай. Запоминай. Ты — следователь, Марат. Лучший, которого я знаю. Расследуй.

— Расследовать — что?

— Не что. Кого. Их. Пассажиров. Они — твоё дело. Они — твои свидетели. А я — твой голос. Как по рации — только иначе.

Марат не ответил. Выключил рацию. Положил на стол. Смотрел на неё — маленькую, чёрную, Motorola, купленную на Авито за две тысячи. Единственную связь с единственным человеком, который — может быть — знал, что происходит. Или — не человеком. Марат не знал. Он знал только одно. Лена — голос. Она сама сказала это — в первый день, три года назад, когда он спросил, как к ней обращаться: «Я — Лена. Я — твой голос. Не больше и не меньше». Он тогда усмехнулся — решил, что диспетчер философствует от скуки. Теперь — не усмехался.

Вечер. Двадцать-один тридцать. Стоянка. Ринат — «спокойной ночи». Бокс — пустой, Серёга и Азамат не на смене. Марат обошёл машину — левое крыло, царапина, та же. Завёл — ровно. Салон — чисто. Термос — в подстаканнике. Приложение — тёмный экран, зелёная полоса.

Марат открыл бардачок. Аптечка, салфетки, зарядник. И — мандарин. Тот самый, который он положил туда вчера. Марат достал его, повертел в пальцах. Мандарин был — свежий. Как будто его только что сняли с ветки. Кожица — упругая, оранжевая, с зелёным листиком, который не высох, не скрутился, а остался зелёным, живым, как будто мандарин не лежал сутки в бардачке, а был сорван минуту назад.

Марат понюхал. Цитрус — свежий, сладкий. И — под ним, тоньше, слабее, но — есть: гарь. Упрямая, как запах, который въелся в стены. Марат положил мандарин обратно. Закрыв бардачок.

Служебный телефон — лежал на приборной панели, в держателе. Марат взял его. Повертел. Чёрный, без логотипа — не Samsung, не Xiaomi, не Huawei. Безымянный телефон, с безымянным приложением, от безымянной компании. Марат открыл раздел «О телефоне». Модель: не указана. Серийный номер: 0000000000000000. Версия Android: 11. Память: 64 ГБ. Занято: 2 ГБ — только приложение «Премиум-Лайн» и системные файлы. Больше — ничего. Ни контактов, ни фото, ни сообщений. Телефон, который не принадлежал никому — и не помнил ничего. Как и приложение.

Марат положил телефон обратно. Включил передачу. Выехал.

Ночь. Садовое кольцо — мокрое, тёмное, с редкими фонарями. Октябрь заканчивался. Ноябрь дышал в спину — холодный, сырой, с запахом гнили от мокрых листьев. Марат ехал — ровно, в правом ряду, не торопясь. Окно — приот-

крыто на два сантиметра. Воздух — двигался.

Первый заказ — обычный. «Профсоюзная, 120, доставка на Киевский». Пассажир — мужчина в дублёнке, с пакетом из «Перекрёстка». Молчал всю дорогу, смотрел в телефон. Марат довёз — сто сорок рублей на счётчике, оплата картой. Обычная поездка. Живой пассажир, живые деньги.

Второй — «Рязанский проспект, 24». Женщина с ребёнком, домой из больницы. Ребёнок спал, женщина — тихо плакала. Не от горя — от усталости. Марат узнал: так плачут матери, которые не спали трое суток. Он довёз, помог с коляской — хотя она не просила. Женщина сказала «спасибо» — и заплакала сильнее. Марат кивнул. Закрыв дверь. Поехал дальше.

Третий — обычный. «Арбат, 10, Патрики». Молодой человек, подвыпивший, весёлый, рассказывал анекдоты. Марат не смеялся, но слушал — привычно, как слушают шум дождя. Парень дал чаевые — триста рублей, через приложение. Марат принял. Живые деньги. Живой смех. Живая ночь.

Четвёртый заказ — пришёл в двадцать-three сорок. Марат

увидел экран и замер.

«ул. Станиславского, 21». Комментарий — одно слово: «Музыка».

Тот же формат. Тот же пустой шаблон. Пассажир — не указан. Рейтинг — пусто. Оплата — прочерк. Марат посмотрел на рацию. Не стал брать. Лена сказала — «расследуй». Хорошо. Он расследует. Он поедет, будет слушать, будет записывать. И — записывать. Марат достал блокнот из внутреннего кармана жилетки — маленький, в линейку, «Перекрёсток». Открыл на чистой странице. Записал: «Заказ 4. Станиславского, 21. "Музыка"». Положил блокнот обратно. Включил передачу.

Улица Станиславского — ныне Леонтьевский переулок, за Тверской. Узкий, тёмный, с особняками и посольствами. Дом 21 — старое здание, с лепниной, с колоннами, с тусклым фонарём над входом. Марат остановился. Ждал.

Дверца открылась. Не сзади — справа, как обычно. Спереди. Пассажирское сиденье. Марат нахмурился — за три года никто не садился вперёд. Это было правилом, негласным: водитель впереди, клиент сзади. Но пассажир — сел вперёд. Как будто имел право. Как будто — не клиент, а коллега.

Мужчина — худощавый, лет сорока пяти. Может, пятьдесят. Тонкое лицо, с глубокими морщинами у глаз, как от прищипа — или от света, который бьёт в лицо. Волосы — тёмные, с проседью, длинные — до воротника. Не модно длинные — привычно, как у человека, который не стригся, потому что ему было всё равно. Одет: чёрная водолазка, тёмные брюки, ботинки — чёрные, потёртые, на тонкой подошве. Пальто — не было. В октябре, минус два — без пальто. Только водолазка. Марат отметил: не замёрзший — тёплый. Тепло шло от него, как от печки — ровное, сухое, без дрожи.

Запах — табак? Нет. Запах — другой. Марат вдыхал, пытаясь определить. Сухой, горьковатый, с еле заметной сладостью — не парфюм. Роза? Нет. Лак? Нет. Запах, который Марат не мог определить — и от этого — чесался, как слово, которое вертится на языке и не произносится. Потом — понял. Старая деревянная отделка. Запах дерева, которое долго стояло в тёплом помещении, пропитанное запахом еды, напитков, табачного дыма — не одного, а тысяч, наслоившихся за годы. Запах ресторана. Не кухни — зала. Зала, в котором играли музыку, курили, пили, разговаривали, — и всё это впиталось в дерево, в ткань, в воздух, который пассажир нёс на себе, как шинель.

— Добрый вечер, — сказал Марат. — Вы сядете назад?

Пассажир покачал головой.

— Я вперёд. Я не люблю сзади. Сзади — как в гробу. Лежишь и смотришь в потолок. А я хочу смотреть — на дорогу.

Голос — негромкий, с хрипотцой, но другой — не как у Виктора Степановича, не как у горничной. Говорил певец. Человек, который владел голосом, как скрипач — смычком. Каждое слово — нота, каждая пауза — тишина, которая звучит.

— Куда едем? — спросил Марат.

— На Большую Дмитровку. Музыкальный театр. Знаете?

— Знаю.

— Туда. Но не торопитесь. Мне нужно — ехать.

Марат тронулся. Машина выехала из переулка, на Тверскую, вниз. Фонари, витрины, редкие машины. Город — тихий, пред-

— Вы музыкант? — спросил Марат. Не из любопытства — из необходимости. Он должен был знать, кто перед ним. Он расследовал.

— Был, — ответил пассажир. — Музыкант. Играл в ресторане. На 22-м этаже. Рояль. Каждый вечер — с семи до одиннадцати. Джаз, романсы, что заказывали. Потом — филармонический репертуар, по праздникам. Но чаще — джаз. Люди любят джаз, когда едят. Он не мешает жевать.

— В каком ресторане?

— В гостинице. Наверху. Двадцать второй этаж. Окна — на всю Москву. Внизу — огни, сверху — звёзды. А посередине — я. Рояль. И двести пятьдесят человек, которые не слушают. Но я не обижался. Я играл — не для них. Для рояля. Он слушал. Он единственный, кто слушал.

Марат слушал. Руки — на руле, ровно. Но внутри — тот же механизм, тот же следовательский аппарат: фиксация, сопоставление, анализ. 22-й этаж. Ресторан. Гостиница. Двести пятьдесят человек. Джаз. Рояль. Всё — из одной истории. Той же.

— Это была «Россия»? — спросил Марат. Прямо. Без обхода.

Пассажир не ответил сразу. Смотрел в окно — на Тверскую, на фонари, на мокрый асфальт. Потом — тихо:

— Ты уже знаешь.

— Я догадываюсь.

— Нет. Ты не догадываешься. Ты знаешь. Но не понимаешь — как. Это — разные вещи.

Марат промолчал. Пассажир был прав. Марат знал факты: гостиница, пожар, 25 февраля, 1977. Но не понимал — как. Как эти люди — мёртвые, сгоревшие полвека назад — сидят в его машине и рассказывают ему свои истории. Как ткань из 1977 года оказывается в его бардачке. Как мандарин не портится. Как пуговица — тёплая.

— Эдуард, — сказал пассажир. — Меня зовут Эдуард. Эдуард Мнацаканян. Если тебе нужно имя.

Марат кивнул. Запомнил. Эдуард Мнацаканян. Музыкант. Рояль. 22-й этаж. «Россия».

— Эдуард, — сказал Марат, — вы знаете, что погибли?

Тишина. Длинная, как пауза между нотами — не пустая, а полная. Машина ехала по Охотному ряду, мимо Думы, мимо Манежа. Фонари мелькали — жёлтый, жёлтый, жёлтый.

— Знаю, — сказал Эдуард. — Теперь — знаю. Не сразу. Сначала — нет. Сначала — думал, что выбрался. Что спустился по лестнице, что выбежал, что стою на улице, мокрый, дышащий. А потом — увидел, что меня нет. Что стою — но меня нет. Что тень моя — есть, а тела — нет. Что люди проходят сквозь меня, как сквозь дым. И понял.

Марат не оборачивался. Смотрел на дорогу. Но — видел: в боковом окне, в отражении уличного фонаря, — Эдуард. Не силуэт, не тень — лицо. Тонкое, с морщинами у глаз, с тёмными волосами до воротника. И — сквозь лицо — свет. Жёлтый, уличный, проходящий насквозь, как через стекло. Марат моргнул. Отражение — осталось. Эдуард — сидел рядом. Тёплый, живой, пахнувший старым рестораном. И — прозрачный для света.

— Как вы оказались в моей машине? — спросил Марат.

— Я не «оказался». Меня привели. Как и всех. Нас — ведут. Туда, где есть кто-то, кто слышит. Ты — слышишь. Не ушами — а как-то иначе. Я не знаю, как. Но чувствую — что ты слышишь. Как рояль. Я играл для рояля, а ты — слушаешь, как рояль. Не словами. Резонансом.

Марат не понимал. Но — принимал. Как принимают по-

казания свидетеля, который говорит правду, но правда — не укладывается в рамки. Марат расширял рамки. Три пассажира назад — он бы не поверил. Теперь — принимал. Не верил — принимал. Это — разные вещи. Верить — значит доверять. Принимать — значит работать с тем, что есть.

— Эдуард, — сказал Марат, — в ту ночь — 25 февраля — вы играли?

— Играл. Вечерний сеанс. С семи. К девяти — ещё играл. Ресторан был полный — человек двести пятьдесят, может, больше. Банкет внизу, на 17-м, но у нас — свой народ. Ели, пили, разговаривали. Я играл джаз — «Take Five», «Summertime», «Autumn Leaves». Очередь заказов. «Сыграйте Муслима». «Сыграйте Мулявина». Я играл — тихо, фоном, как обои. Люди не слушали — но без музыки им было бы пусто. Я — обои со звуком.

Эдуард замолчал. Смотрел в окно — на Большую Дмитровку, на Музыкальный театр, который приближался. Здание — тёмное, с колоннами, с вывеской. Эдуард смотрел — и Марат видел: глаза музыканта потеплели. Не от света — от памяти.

— В девять двадцать четыре — запах. Сначала — лёгкий, как от свечи. Потом — сильнее, как от проводки. Потом —

чёрный, густой, как смола. Я перестал играть. Обернулся — в зале тихо. Все — обернулись. Дверь из ресторана — в коридор — была открыта, и из коридора — дым. Чёрный, плотный, как стена. Он шёл — не как газ, не как ветер. Он шёл — как вода. По потолку, по стенам, прижимаясь, растекаясь. Огонь — за ним. Не сразу. Сначала — дым. Потом — огонь. Как будто дым — разведчик, а огонь — армия.

Марат слушал. Руки — на руле, ровно. Но пальцы — белые, сжатые. Он видел — не глазами, а тем, чем Эдуард называл «резонансом». Видел: чёрный дым, ползущий по потолку ресторана. Двести пятьдесят человек, которые обернулись. Рояль — замолчавший. Тишина — перед огнём.

— Что было потом?

— Потом — паника. Крики. Бег. Лифт — не работал. Лестница — задымлена. Люди — к окнам. 22-й этаж. Вниз — головой. Некоторые — прыгали. Я — нет. Я — к роялю. Не потому что герой — потому что некуда. Дым — везде. Огонь — из коридора. Окно — за спиной. Я сел на табурет и играл. Не помню что. Может — «Autumn Leaves». Может — ничего. Просто — клавиши. Просто — звук. Пока было что.

Эдуард замолчал. Долго молчал. Машина остановилась у Музыкального театра. Тёмное здание, колонны, пустая пло-

щадь. Ночь. Фонарь. Тишина.

— Потом — стало темно, — сказал Эдуард. — И я — ушёл. Не умер — ушёл. Как будто музыка кончилась, и я встал и вышел. Но — не из ресторана. Из всего. Из тела, из жизни, из февраля. В — тишину. И в тишине — ждал. Ждал — кого-то, кто услышит. Тебя.

Марат не двигался. Сидел, руки на руле, смотрел на тёмное здание театра. В зеркале — отражение уличного фонаря, жёлтое, ровное. И — в боковом окне, в стекле — Эдуард. Лицо. Тонкое, с морщинами. И — сквозь лицо — свет. Прозрачный.

— Эдуард, — сказал Марат. — Вы были не один. В ресторане — двести пятьдесят человек. Кто-то из них — вам запомнился? Кто-то, кто не был обычным гостем?

Эдуард посмотрел на Марата. Долгий, внимательный взгляд, как будто оценивал — можно ли доверять. Потом — кивнул.

— Да. Девушка. Официантка. Молодая, лет двадцати. Она — не просто подавала. Она — знала. Знала, кто сидит за столами. Знала, кто что заказывает. Знала, кто кому — кто. Она подходила ко мне между заходами и говорила: «Эдуард, се-

годня — банкет наверху. Большой банкет. Люди в штатском. Не играйте громко — им нужна тишина». Я не спрашивал — кто. Не моё дело. Но запомнил — она знала больше, чем официантке положено.

— Как её звали?

— Лена. — Эдуард улыбнулся — впервые за всю поездку. Улыбка — грустная, тёплая, как от воспоминания, которое греет и жжёт одновременно. — Лена. Она приносила мне чай. Каждый вечер. Без сахара — я пил без сахара. Она запомнила. Двести пятьдесят гостей — и она запомнила, что я пью чай без сахара.

Марат замер. Лена. Диспетчер. Голос в рации. Тёплый, низкий, с хрипотцой. «Я — Лена. Я — твой голос. Не больше и не меньше». Совпадение? Марат не верил в совпадения. Бывший следователь — не верит. Он проверяет.

— Лена — это имя. Она — выжила? — спросил Марат, и голос — ровный, следовательский, без дрожи. Но внутри — дрожь. Тонкая, как струна.

Эдуард покачал головой.

— Нет. Она не вышла. Она — осталась. Она помогала лю-

дям — выводила их, направляла, успокаивала. Она бегала между столами, между этажами, как будто — не чувствовала дыма. Как будто — была из огня. А потом — огонь дошёл до неё. Я видел — в последний раз, когда ещё играл. Она стояла у двери, в дыму, и — смотрела на меня. Не с ужасом. С — спокойствием. Как будто знала, что так будет. И — кивнула. Мне. Кивнула. Как будто — прощалась. Или — благодарила. Или — говорила: «играй, Эдуард. Играй, пока можешь».

Марат закрыл глаза. Одна секунда. Открыл. Дорога, фонарь, тёмное здание.

— Она сказала вам — что-нибудь? В тот вечер? Кроме «не играйте громко»?

Эдуард подумал.

— Да. Одно. Она сказала: «Сегодня — особенная ночь. Сегодня — решается. Если всё пройдёт — мы все будем свободны. Если нет — мы все останемся». Я не понял. Тогда — не понял. Потом — понял. Но было поздно.

Марат не спрашивал — что значит «свободны». Он знал: это — из того же расследования, из того же дела. Банкет наверху, люди в штатском, встреча, которая решает. И пожар, который всё решил — иначе.

Эдуард открыл дверцу. Тёплый воздух — из салона, наружу, в ночь. Он вышел — и Марат на этот раз слышал: шаги. Тихие, лёгкие, по асфальту. Три шага. Четыре. Потом — тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.